

Глава 1

Боль. Нестерпимая, всепоглощающая.

В тот миг, когда остриё ржавого металла вонзилось в горло, боль взорвалась, удесятёрённая, затапливая сознание. Перед глазами Цяо Сы потемнело, и он едва не потерял сознание.

Предсмертная агония длилась лишь краткий миг, но страдания растянулись в вечность. Время, что он провёл в темнице, стремительно утекая, теперь замедлило свой ход до мучительной черепашьей скорости.

Он мог отчётливо ощутить, как собственная кровь заполняет горло, как удушье и острая боль наваливаются одновременно. Воспоминания о нескольких годах, прожитых после перемещения, неторопливо проплывали перед глазами.

Судьба забросила Цяо Сы в книгу — крайне непопулярный роман о придворных интригах. По иронии судьбы его приютила аристократическая семья, игравшая в сюжете незначительную роль, и он стал их младшим сыном.

Будучи наивным студентом с ясным взором, он без всякой опаски отнёсся к семье Цяо и проговорился о своём знании будущего сюжета. Семья выуживала из него информацию, а он, не таясь, рассказывал всё, что знал.

Благодаря его предсказаниям, семья Цяо укрепила своё положение в столице и способствовала падению главного злодея оригинального романа. Однако сам он стал разменной монетой, пешкой, которую безжалостно сбросили с доски, как только она перестала быть полезной.

Вскоре, поняв, что большей выгоды из него не извлечь, семья Цяо бросила его, словно ненужную вещь, во дворец. Там он оказался под негласным домашним арестом, став заложником в руках императора для сдерживания амбиций Цяо.

Семья Цяо обманула его, но осознание пришло слишком поздно. Не прошло и двух лет, как по их же вине он угодил в тюрьму, где и принял мучительную смерть.

Открыв глаза, Цяо Сы понял, что возродился.

Он вновь оказался в доме семьи Цяо.

Небеса даровали ему второй шанс, позволив всё исправить.

Во второй жизни Цяо Сы был начеку. Он разгадал истинную сущность семьи Цяо и осознал, как его обманывали и использовали. Он попытался донести на них, сопротивляясь и стремясь

ОТОМСТИТЬ.

Однако и в этот раз он не смог одолеть могущественный клан. Цяо Сы вновь постигла та же участь — мучительная смерть в темнице.

Затем третья.

Четвёртая...

...

Даже после восьмого возрождения ему не удалось избежать страшной участи.

Глядя на холодные стены темницы, Цяо Сы отчётливо понимал: пока он жив, семья Цяо будет выжимать из него последние соки. Он не желал больше умирать так унижительно, становясь удобрением для процветания своих врагов.

Лучше умереть раньше, чем позволить семье Цяо и дальше торжествовать.

Поэтому Цяо Сы терпеливо выждал несколько дней и сумел тайком припрятать несколько ржавых металлических обломков.

Просчёт. В прошлые разы его травили ядом. Он не ожидал, что на этот раз будет так больно. Гораздо больнее, чем от яда.

— Больно...

Цяо Сы не заметил, как произнёс это вслух.

Рядом раздался участливый голос:

— Ох, господин Цяо, где же у вас болит?

— Горло... — прошептал он, не осознавая, что говорит.

Голос укоризненно ответил:

— В последние дни стояли метели, и Его Величество милостиво освободил придворных и членов императорского клана от бдения по покойному императору. А вы настояли на том, чтобы отстоять положенное время на коленях в траурном зале. Теперь вот подхватили

простуду, оттого и горло болит.

Цяо Сы замер, а затем медленно распахнул глаза, узнав голос говорившего.

— Евнух Цзи?

Евнух Цзи с улыбкой подтвердил его догадку.

У Цяо Сы перехватило дыхание.

Почему евнух Цзи, личный слуга императора, здесь? Неужели он не умер?

Нет...

Цяо Сы поднял свою бледную, изящную руку и коснулся шеи.

Горло саднило, словно в нём полыхал огонь. Но эта боль разительно отличалась от той пронзительной агонии, что он испытал мгновения назад.

Было больно. Но это была боль живого человека.

Он выжил.

Он был жив, без единого шрама от плети, без ран — он возродился целым и невредимым.

«Но почему именно в этот момент?!»

Что только что сказал евнух Цзи?

«Простуда?»

Цяо Сы знал, что возродится снова.

Каждый раз точка его возвращения сдвигалась — от нескольких дней до трёх месяцев. Времени на борьбу оставалось всё меньше, и с каждым новым возрождением одолеть семью Цяо становилось всё труднее.

Он был готов к тому, что окажется в ещё более позднем времени, чем в прошлый раз.

Но почему?!

Почему на этот раз, открыв глаза, он уже оказался во дворце?

По сравнению с предыдущим возрождением, прошло целых два года!

Он только что очнулся, а уже находится на пути к аудиенции у императора!

От этой мысли Цяо Сы судорожно вздохнул и закашлялся.

Евнух Цзи уже торопил его:

— Потерпите немного, господин. Его Величество желает вас видеть. Евнух, посланный за вами, ждёт уже почти час...

Всё происходящее уже случалось однажды в его памяти, и Цяо Сы всё вспомнил.

Три года назад, когда скончался покойный император, и весь двор погрузился в траур, на столицу обрушилась снежная буря, подобная стихийному бедствию. Он, проявив упрямство, настоял на участии в бдении и в итоге слёг с сильной простудой.

Новый император, однако, был холоден и безразличен. Зная, что Цяо Сы прикован к постели, он всё равно вызвал его для разговора о делах семьи Цяо.

Это был конец двенадцатого месяца три года назад, первый день после метели.

Он возродился в девятый раз.

На этот раз — в первый год эры Цзинфу.

Год, когда всё уже было предрешено.

Покойный император, который относился к нему с некоторой долей милосердия, только что скончался. Новый же император, намереваясь расправиться с семьёй Цяо, уже был полон подозрений.

Он снова был брошен своей семьёй, беззащитный и бессильный, неспособный противостоять кому-либо.

С этого дня его должны были заключить во дворец, и ему оставалось лишь ждать смерти или

искать её самому.

Цяо Сы слегка нахмурился.

Несмотря на всё это, смириться с судьбой было горько.

Что до нового императора? Он и в прошлых жизнях хотел присягнуть ему на верность, помочь Инь Шаоцзюэ в борьбе с семьёй Цяо, но тот был до крайности подозрителен и не давал ему даже возможности поговорить!

Виноват этот собачий император, непробиваемый и упрямый!

— Мы уже почти на месте, господин Цяо. Подождите здесь, а я доложу Его Величеству.

— Хорошо, благодарю вас, евнух Цзи.

...

Войдя в императорский кабинет и увидев лицо императора, Цяо Сы первым делом испытал облегчение.

Слава богу, на троне по-прежнему Инь Шаоцзюэ, а не кто-то другой.

Цяо Сы размышлял, не стоит ли ему вмешаться в борьбу за престол. Кроме Инь Шаоцзюэ, покойный император благоволил и третьему, и шестому принцам. Но Цяо Сы их терпеть не мог и никогда всерьёз не рассматривал такой возможности.

Третий принц был пустышкой — стань он императором, наверняка бы продал страну при первой же возможности. Шестой принц был жаден и связан с семьёй Цяо, он грабил народ ещё до того, как взойшёл на трон.

За столько возрождений не раз случалось, что эффект бабочки приводил к кардинальным изменениям в сюжете. Однажды Цяо Сы даже приснился кошмар на эту тему.

Во сне борьба за трон после его возрождения разгорелась с новой силой. Императором стал другой, Инь Шаоцзюэ оказался низведён до положения праздного князя, а сам Цяо Сы сумел выжить. Но это стало началом бедствий: непомерные налоги, междоусобицы, народные страдания. Не прошло и года, как страна погрузилась в пламя войны и оказалась на грани распада.

Стоило на трон взойти кому-то, кроме Инь Шаоцзюэ, и финал был предreshён — гибель.

Сон был настолько реалистичным, что Цяо Сы едва не спутал его с настоящими воспоминаниями. Он долго не мог прийти в себя и с тех пор навсегда отрёкся от мысли вмешиваться в престолонаследие.

Но и Инь Шаоцзюэ он не любил.

Да, он предпочитал видеть на троне именно его, но это не мешало ему скрежетать зубами при виде этого лица.

Причина была проста: поведение этого собачьего императора было слишком сложным и непредсказуемым.

Симпатии и антипатии, поступки других людей подчинялись определённой логике. Цяо Сы всегда мог выявить закономерности, чтобы использовать их в своих целях или докопаться до истины. Он обладал превосходной памятью и, благодаря опыту прошлых жизней, знал привычки и характер многих придворных как свои пять пальцев.

Но Инь Шаоцзюэ был исключением.

Непредсказуемый, лишённый всякой логики. Для Цяо Сы, прожившего столько жизней, Инь Шаоцзюэ оставался вечной переменной, случайной величиной, непостижимым существом, чьё настроение менялось по щелчку пальцев.

Он никогда не мог угадать, о чём думает Инь Шаоцзюэ, что замышляет, кто завтра будет сослан на южные границы — заместитель министра Чжан или евнух Ли, чью сторону он примет на утреннем совете — консерваторов или реформаторов.

Всё это можно было списать на своенравие.

Но почему?!

Почему в третьей жизни Инь Шаоцзюэ любил рододендроны, а в четвёртой приказал выкорчевать их по всему дворцу и запретил сажать вновь?! В пятой жизни он, помнится, расхваливал рыбу, поднесённую одним из министров, а в шестой — обвинил того же министра в преступлении и велел казнить!

Из-за этого за два года во дворце Цяо Сы мог по пальцам одной руки пересчитать случаи, когда ему удавалось «случайно» встретить императора и перекинуться парой слов!

Этот человек болен!

Но переменчивость настроения — это ещё полбеды. Каждый раз аудиенция проходила в новом

месте: в первый раз — в императорском саду, во второй — во дворце Шаоцин, в третий — в его покоях, в четвёртый — на астрономической обсерватории, а на этот раз...

«Почему в императорском кабинете?»

«Он ведёт себя так... нормально. Этот собачий император что, не то лекарство принял?»

— Ваш покорный слуга Цяо Сы, желает Вашему Величеству священного благополучия.

Цяо Сы, внешне сохраняя почтительность, вошёл в кабинет для аудиенции, преклонил колени и приветствовал императора. Однако в душе его роились сомнения, вызванные приступом посттравматического стресса.

— ...

За столом император, облачённый в повседневный халат с вытканными золотом драконами, молча завершал последний штрих на свитке и лишь затем неторопливо поднял взгляд.

В зловещей тишине никто не заметил ни загадочного выражения в глазах императора, ни того, как его кисть внезапно дрогнула, оставив на рисунке неуместный мазок и разрушив его первоначальную красоту.

«Собачий император?»

Кто смеет так дерзить пред его ликом?

Инь Шаоцзюэ отчётливо услышал непочтительные слова, но голос прозвучал словно иллюзия, не вызвав ни малейшего отклика в императорском кабинете. В обычный день, ещё до его реакции, евнухи бы уже наказали наглеца, но сегодня, казалось, лишь он один слышал этот голос.

Юноша, стоявший на коленях недалеко от стола, не услышав ответа, с недоумением поднял голову.

Только тогда Инь Шаоцзюэ неспешно произнёс:

— Вольно.

«Станный какой-то».

Цяо Сы, сохраняя невозмутимый вид, списал внезапное десятисекундное молчание на

очередной причудливый приступ императора, но вслух ответил с прежней учтивостью:

— Благодарю Ваше Величество.

Странный голос раздался снова. Инь Шаоцзюэ наконец убедился, что это был голос Цяо Сы, исходящий от него самого, но никто другой не реагировал, словно это были лишь слуховые галлюцинации.

Инь Шаоцзюэ сделал вид, что ничего не заметил.

— Я слышал, у министра Цяо обширная коллекция книг... — он небрежно взглянул на книжные полки и распорядился: — Подойди и выбери одну.

— Ваш слуга... благодарит Ваше Величество за дарованную книгу.

Цяо Сы, казалось, на мгновение замер, на его лице отразилось недоумение. Он медленно подошёл к ближайшей полке, сделал вид, что внимательно изучает книги, и снял одну.

«А? Дарить подарки при первой же встрече? Он что, совсем с катушек съехал?..»

«Кто распустил эти слухи? С чего это я люблю собирать книги? Я люблю интересные рассказы».

«Хм... ладно, возьму любую... вот эту, о географии».

«А нет, это «Краткое исследование рек и гор Девяти Земель». Было бы ещё лучше, будь там иллюстрации...»

Инь Шаоцзюэ поднял взгляд на книгу в руках Цяо Сы и прочёл название.

Это действительно было «Краткое исследование рек и гор Девяти Земель».

Название совпадало. Странность исходила от Цяо Сы.

Хоть дело и было необычным, но, касаясь всего лишь пешки, оно не могло привести к большой беде.

Инь Шаоцзюэ прекратил свои изыскания и произнёс ещё несколько ничего не значащих фраз, давая Цяо Сы наставления о службе в академии Ханьлинь.

Цяо Сы послушно кивал, отвечая такими же ничего не значащими любезностями.

Со стороны это могло показаться сценой гармоничного общения между монархом и подданным, атмосфера была приятной и умиротворяющей.

Однако стоявший рядом евнух Цзи не мог без сочувствия смотреть на это и мысленно вздыхал.

Сердце государя — потёмки. Кто бы мог подумать, что семья Цяо, чьё влияние при дворе росло день ото дня и которая постоянно получала награды, на самом деле давно утратила благосклонность императора и вызывала у него лишь опасения.

Ещё до того, как привести Цяо Сы на аудиенцию, Цзи Пинъаню было велено зачитать указ.

Содержание указа заключалось в том, чтобы заключить Цяо Сы во дворец, запретив ему выходить и видеться с кем-либо без особого разрешения.

Несколько фраз не заняли много времени. Вскоре, в ходе разговора, Инь Шаоцзюэ завершил новый рисунок, отличавшийся от предыдущего лишь тем, что последний штрих на этот раз был безупречен.

— Пинъань.

Он оглядел готовую работу, которой не хватало лишь подписи, и собирался приказать евнуху Цзи увести Цяо Сы, как снова раздался тот странный внутренний голос.

«Эх... как же всё это раздражает».

«От одной мысли, что меня сейчас заключат под стражу, хочется ругаться на чём свет стоит».

«Знал бы раньше, пошёл бы в ученики к мастеру цингуна. А теперь — хочется сбежать, да некуда».

— ...!

Инь Шаоцзюэ резко поднял голову.

Кап.

Огромная капля туши упала на свиток, медленно расплываясь и превращая изящный иероглиф в бесформенное пятно.

Новый иероглиф был испорчен, но Инь Шаоцзюэ было не до него.

Его взгляд был прикован к жёлтому свитку, лежавшему на краю стола, — указу, написанному им заранее.

— Слуга здесь.

Цзи Пинъань поклонился, решив, что император торопит его с оглашением указа, и осторожно шагнул вперёд:

— Ваше Величество, не желаете ли вы заранее...

Инь Шаоцзюэ взглянул на указ, который собирался обнародовать, и вдруг, подняв руку, бросил его в стоявший рядом камин.

— Избавься от него.

Внутри камина потрескивал жар. Алые искры коснулись свитка, прожгли в жёлтой ткани дыру и быстро разожгли яркое пламя.

В императорском кабинете воцарилась мёртвая тишина. Даже тихий треск горячей ткани казался оглушительным, и этот звук заставил Цяо Сы вздрогнуть.

Он сразу узнал этот указ.

Такого поворота событий не случалось ни в одной из восьми предыдущих жизней. Он, не моргая, смотрел на пламя, наблюдал, как указ, столько раз обрекавший его на заточение, так легко сгорает.

Огонь плясал в его тёмных глазах. Цяо Сы широко раскрыл глаза, сердце забилось быстрее, отдаваясь гулкими ударами в горле. Его пальцы едва заметно дрогнули, словно в напряжённом ожидании чего-то.

Но ничего не произошло, пока пламя не охватило весь свиток, превратив его вместе с иероглифами в пепел.

Инь Шаоцзюэ опустил взгляд на свой вновь испорченный иероглиф, бросил его вслед за первым в камин и, взяв новый лист бумаги, принялся писать заново.

Евнух Цзи тоже должен был что-то предпринять, но даже он, прослуживший при императоре много лет, среагировал с опозданием. Лишь когда государь во второй раз швырнул свиток, он

опомнился, поспешно взял камин и вышел, чтобы сменить угли.

В комнате остались только они вдвоём. Цяо Сы не выдержал и, рискуя навлечь на себя гнев, спросил:

— Осмелюсь спросить, Ваше Величество, для чего вы сегодня призвали меня?

— Ни для чего, — бросил Инь Шаоцзюэ, не меняя выражения лица, и больше не проронил ни слова, не позволив, однако, и удалиться.

Цяо Сы, оставшись в полном недоумении, застыл на месте.

«...»

«???»

<http://bllate.org/book/13477/1578863>